

Марина Хробот

КОШКА В САПОЖКАХ

Женский авантюрный роман

Марина Хробот

Кошка в сапожках

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56835595

Кошка в сапожках:

Аннотация

Анастасия живёт в передвижном цирке Шапито, работает уборщицей за животными: медведицей Матильдой, птицами пеликанами и огромным псом Пусиком. Несколько месяцев назад она решила сбежать от привычной жизни, ведь её бросил любимый человек. На попечении Насти оказалась персидская кошка, она прибилась к цирку и через неделю окотилась.

Шапито приехало в очередной Городок и тут было совершено покушение на сотрудника местной обувной фабрики и пропали большие деньги. Подозреваемый, бизнесмен из Москвы, спрятался в Шапито, у Насти. И начались приключения.

Содержание

Бодрое утро	4
Как выбрать любимую	11
Наш звериный коллектив	25
Знакомство в душе	30
Сергей и дурацкие обстоятельства	37
Как красиво избавиться от котят	55
Пеликаны	61
Больница	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марина Хробот

Кошка в сапожках

Бодрое утро

Самый шустрый рыжий котенок забрался на мою немаленькую грудь, пронзительно мяукнул и, оттолкнувшись, спрыгнул на одеяло. Его пример вдохновил остальных четырех рыжих мини-бандитов, ползающих по узкой кровати, и они полезли на меня. Я переложила всех в коробку, стоящей на полу, к рыжей Мусяке. Каждое прикасание к нежным котяткам небывалого очарования доставляло мне удовольствие. Но не сидеть же рядом с ними весь день, необходимо и поработать.

Мусяку, я, сдуру, пожалела полтора месяца назад и пригрела в своей бытовке. То, что она беременна, я догадывалась, но, чтобы настолько! Она окотилась через неделю.

Все наши звериные специалисты, ощупывая персидскую кошку, предрекали не больше трех котят. Ошиблись. Получилось пять рыжих симпатяг, которые поначалу молчали, а теперь нагтели с каждым днем, настойчиво требуя своего места под солнцем и у миски с едой.

Была возможность поспать еще с полчаса, но тут противно заорали пеликаны из переносного дачного бассейна. Пе-

ликаны – птицы красивые, большие и громкие. От их ора просыпаются все артисты нашего балагана, и моя любимица – медведица Матильда.

Вставать, как всегда, не хотелось, но не вставать – себе дороже. Пеликаны, по исключительной склочности характера, орать не перестанут, пока не получат свой скользкий завтрак. Минут через десять в мое окно начнёт стучать рассерженный Виктор Палыч, матерно поминая не только всех моих родственников, но заодно и политиков, и олигархов.

Эту программу я знаю наизусть, поэтому благоразумно слезла с кровати, зевая, застелила ее, надела синий рабочий халат и вышла на улицу.

* * *

Двухметровый холодильник бытовым электроприбором назвать сложно. Палыч, директор нашего передвижного сумасшедшего дома, купил его в одном из городков, где еле пыхтел трубами заводик электробытовой техники.

Каковы были первоначальные функции огромного холодильника, догадаться невозможно. За три минуты он достигает температуры минус двадцать градусов, а открыть дверцу без особых навыков невозможно.

Еще, как показал опыт, он не тонет в воде и не разбивается при падении из едущего автомобиля. А месяц назад он выдержал часовую атаку двух пьяных акробатов, которые, не

поняв, где находится дверца, пытались вскрыть его с боков, помня о находящихся внутри четырех бутылках водки.

Подойдя к агрегату, я погладила дверцу, трижды передвинув рычажок блокирования. Выгрузила два плоских ящика с рыбой и четыре килограмма костей с остатками мяса для собак. Два килограмма для пяти рыжих шпицев и два лично для Пусика.

Пусик – охранный пес, живёт в собственной будке, в тупичке между холодильником и соседней бытовкой, где обитает Виктор Павлович. Собака, помесь дога и сенбернара, отличается огромными размерами и сволочным характером. Его подкинули сестре Виктора Павловича, Галине и сначала щеночек был небольшим и плюшевым. Женщина умилялась на него и назвала Пусиком. Вырос собачий монстр. Одинокая Галина еле-еле могла прокормить любимого пса и, как только Шапито возвращалось в Россию, отдавала его на охранную службу.

Я взглянула на лежащего пса... Пусик не спал. Он смотрел на меня, положив морду на мощные лапы... А рядом с ним лежал человек в светлом летнем костюме.

Меня окатило холодным потом страха. Первая мысль – куда девать тело? Мужчина лежал навзничь на густой траве, прикрытый подстилкой Пусика. Я понимаю настроение собаки, этот убийца мелкой дичи не мог допустить, чтобы у него даже ненужную палку позаимствовали, а тут целую подстилку пытались уволочь.

Чувствуя свою вину, Пусик лизнул руку мужчины. И тут вторая волна ужаса прошла по моему телу. Рука мужчины дрогнула, часы блеснули дорогим сапфировым стеклом. Значит, жив еще, жертва собачьего террора.

Я подошла ближе. Ни крови, ни следов укусов на толстяке в дорогом костюме не наблюдалось. Я аккуратно пнула лежащего тапкой в объёмную попу.

– Эй, ты жив?

Мужчина вздохнул и повернул голову. На правой щеке отпечатался узор травы. Мигнув пару раз и скинув с себя подстилку, мужчина попытался встать. Ноги его не слушались, и он брякнулся на Пусика. Пес не стал откусывать ему голову, а, извинительно взвизгнув, отскочил в сторону. Я ошалело смотрела на пса. Вот это да!

– Ты жив? – повторила я вопрос.

Мужчина сел и потер лицо руками.

– А чего со мной сделается?

Сергей сел на траву, потер лицо руками. Справа от него сидел огромный пес, с которым он беседовал полночи, а перед ним стояло существо женского пола в синем рабочем халате. Эта молодая особа явно не расчесывалась в течение последней недели.

– А чего со мной сделается? – ответил он на её глупый вопрос. – Хочешь денег заработать?

Волосы её, длинную до плеч, торчали спутанным колтуном во все стороны. Женщина почесала лохматую голову.

– Сколько?

– А почему не спрашиваешь «за что?».

Та перевела взгляд с собаки на него.

– За что получать деньги, мне почти без разницы.

– Ну и чудненько. – Сергей встал, опершись сначала о землю, затем о пса. – Меня нужно спрятать на несколько дней. У тебя есть где жить?

– Почему он тебя не разорвал? – Женщина сделала шаг в сторону, села перед псом и погладила его. – Пусик, ты почему его не сожрал?

– Э-эй, лахудра, есть где спрятаться? – напомнил о себе Сергей.

Женщина оглянулась, осмотрела нового знакомого с ног до головы.

– Меня зовут Анастасия. Еще раз скажешь «лахудра», будешь прятаться самостоятельно. – Выкинув из большого холодильника на землю две тяжелые коробки, она кивнула на бытовку. – Пойдем.

Сергей зашел за Анастасией в бытовку. В тесном помещении было чисто. В маленькое окно с частой решёткой, занавешенное тюлем, било жаркое солнце. Заправленная кровать прикрыта покрывалом. Небольшая раковина сверкала чистым фаянсом. Откидной столик белел аккуратным пластиком.

В низкой коробке спала персидская рыжая кошка и несколько котят. Но назойливого кошачьего пуха не было.

– О-о, ты здесь и полы моешь.

– Ты мне тоже не слишком нравишься. – Настя достала из-под кровати большой черный пакет со старыми кроссовками и комбинезоном разнорабочего защитной расцветки. Не очень чистый. – Держи, переодевайся.

Сергей взял комбинезон двумя пальцами, понюхал.

– А постирать можно?

– Постирай. Только не удивляйся потом, что те, кого ты боишься, вычислят тебя с первого взгляда. Носки тоже снимай, рабочий цирка не может быть в шелковых носках за двадцать долларов.

– Двадцать семь.

– Тем более. Часы снял?

– Первым делом.

– Ну, хоть на это ума хватило. Мне пора животных кормить.

Настя прошла к выходу, остановилась.

– Сколько платить будешь?

– Пять сотен в день. Думаю, с тебя и этого хватит.

Молоденькая женщина, глядя в низкий потолок бытовки, проворчала: «Угу», и, прихватив с узкой раковины губку, привычно протерла столик.

Сергей расстегнул пиджак, вытащил из брюк темную рубашку и кивнул в сторону стены бытовки.

– Там странный гогот раздается, что за птицы?

Прислушавшись к ору за окном, женщина легко отмахну-

лась:

– Пеликаны. Бестолковые птицы, не то что Матильда.

– Кошка твоя? – Сергей снял костюм, не стесняясь, оставшись в трусах и стал надевать комбинезон.

– Кошка? Нет. Матильда – это медведица в восемьдесят килограммов веса.

Сергей втянул живот, натягивая брюки комбинезона на лямках.

– Маловато весит для взрослого медведя.

Настя развела руки, как бы признаваясь в личной вине.

– Она карлица. Не выросла.

Как выбрать любимую

– Да пошел ты, Александр Евгеньевич в жопу! Если больше, чем на полпроцента поднимешь цену на спанбод термоклеевый для кроссовок, я не только откажусь от твоих поставок в пользу Казахстана, но и не поленюсь, лично подъеду и набью рожу. Понял?

– Иван Петрович, ты тоже пойми меня, – гудел в телефонной трубке низкий голос. – Всё дорожает, типа энергии, типа бензина, типа зарплаты...

– Не имей мне мозги! – Иван стукнул толстым кулаком по столу, отчего подпрыгнул ноутбук и стопка договоров в прозрачных файлах. – Присылай новые цифры, или ты, «типа», останешься без заказчика, и тогда разбирайся со своими проблемами без моей обувной фабрики. Жду договор!

– Ваня... – В телефонной трубке вздохнул мужской голос. – Ты бы не орал не по делу, да ходил бы, оглядываясь. Давишь ты не по делу, типа не по совести.

– Совести? Да пошел ты!

Грохнув телефон на стол, Иван взял серебряную ажурную рамку с фотографией пушистой рыжей кошки с янтарными глазами. Его любимая и дорогая, в прямом смысле этого слова, Черри.

На снимке рыжая пушистая кошка шла по зелёному полю в красных крохотных сапожках. Тесёмки от них были завя-

заны на спине, под густой шерстью были не видны и казалось Черри гуляет сама по себе «кошкой в сапожках».

Сапожки он заказал фабричному дизайнеру Вере Олеговне, проработавшей здесь тридцать лет. Пожилая женщина отнеслась к заказу с профессиональным восторгом и сделала три комплекта сапожек на четыре лапы разных цветов: красный, синий и фиолетовый. Все фотки Иван выкладывал в свой инстаграм, получал сотни лайков.

Коробка с сапожками стояла в шкафу, где был спрятан личный сейф. По привычке он открыл его, проверяя наличные деньги и карманный «Браунинг».

* * *

Он скучал по Черри. Прошло полтора месяца с её пропажи, а он не мог успокоиться. Куда могла деться персидская кошка небывалой красоты и стоимости?

– Двести человек на фабрике зарабатывают деньги, семьи свои кормят. Я их детям детсад восстановил, а они не довольны, – жаловался он фотографии единственного любимого существа. – Да, я не всегда выписываю премии, ясли-сад вмещает не всех детей. Так пусть меньше рожают! Не хрен нищету плодить!.. – Он поцеловал фотографию кошки узкими губами, странно смотрящимися на его широком лице. – Где же ты, беглянка моя, бесценная?

Воспитанник детского дома, он в девятом классе, выстроил себе схему будущей успешной жизни. План на жизнь выглядел так: квартира-дом, обязательно престижная любовница. И уникальная кошка, плюс собственная фабрика, образованная девственница жена, у него пост губернатора, а там и – пост Президента.

Но начинать стоило с малого. Почти в каждом доме или квартире одноклассников «из семейных», куда Иван ходил в гости, была кошка. В частных домах их Городка были и собаки, но в квартирах не всегда. А кошки – у большинства, и для Ивана они стали символом свободы и нормальной, не детдомовской жизни.

Он поклялся, что у него будет самая красивая и дорогая кошка.

Одним из немногих он закончил одиннадцать, а не девять классов. На высшее образование Иван решил пока не заморачиваться, он и так умный, пусть другие корячатся, а он сразу будет зарабатывать деньги.

И он их заработал.

В четырнадцать лет Иван официально устроился на обувную фабрику Городка. Каждый выходные и на каникулах работал то разнорабочим, то грузчиком, то заливщиком форм для подмётков кроссовок и резиновых сапог.

Уже в шестнадцать лет организовал из своих же, детдомовцев, «бригаду» в пять человек и подворовывал «случайно» не учтённую продукцию. Продавали надёжные и качественные офицерские сапоги, и военные ботинки в сельские автолавки и на рынки. Средней стоимости кроссовки и туфли большим спросом не пользовались.

Детдомовцы, привыкшие к жесточайшей дисциплине, даже если попадались с товаром на рынке, никогда своих не сдавали.

Быстро поняв, что лучше не воровать, а участвовать в процессе производства обуви, с семнадцати лет Иван перевёл детдомовцев рабочими в цеха фабрики и стал их бригадиром.

Некоторые детдомовцы после школы уезжали в столицы – Москву, Питер, Нижний Новгород и Екатеринбург, но быстро возвращались, там хватало своих «ухарей». И снова все шли на поклон к Ивану. Более стабильной работы, чем обувная фабрика, в Городке не было.

К двадцати пяти годам Ивану всё-таки пришлось закончить вечерний институт лёгкой промышленности в Твери, и дальше он начал карьерный рост, пробиваясь в руководство.

Из комнаты в коммуналке общежития он выбрался в двадцать шесть лет, купив «однушку» в хрущёбе, а затем двухкомнатную квартиру в элитном доме.

Любовницу взял престижную, длинноногую. Карина стала «Мисс Городок», и Иван в тот же день предложил ей по-

сетить ресторан и свою квартиру. «Мисске» квартира понравилась.

Но вот сама Карина Ивану на душу не легла, только на тело. У девушки были потрясающие параметры. И грудь большая и талия тонкая, и бёдра широкие.

Но Иван, сам высокий и крупный, как часто бывает, любил девушек невысоких, худеньких и абсолютно плоских, как преподавательница английского в школе, лишь на семь лет старше его. Все сорок пять минут урока Лиля Иванова волновала его настолько, что «пёфик тайм» или, не дай бог, «паст пёрфик» он абсолютно не усваивал.

Но преподавательница чувствовала его особое внимание, которое со стороны высоченного, хоть и полноватого и туповатого подростка, всё равно ей льстило. И она ставила ему в классный журнал не двойки, а тройки.

В своих предпочтениях Иван признаваться стеснялся, это было не модно. Первой его женщиной стала дочка главной бухгалтерши, но её быстро уволили с фабрики, отправив учиться в Москву.

Поначалу не он отказывался от предложений фабричных женщин, вешавшихся на него, оценив фигуру молодого мужика. Но он был настолько эгоистичен и часто жестоким, что скоро внимание к нему сошло «на нет». После конкурса красоты он пользовался услугами «отзывчивой» Карины два-три раза в неделю, по расписанию.

А год назад Иван стал и.о. директора фабрики. Бывший

директор поехал во Францию кататься на лыжах и уже полгода, как «не слезал с лыж».

Следующим этапом в реализации мечты была кошка. Для её приобретения Иван отправился в Москву, на выставку. Карину с собой не взял, считал слишком интимным вояж за символом собственного дома и отвлекающий момент его бы раздражал.

* * *

Выставка проходила на ВВЦ, то есть ВДНХ. В помещении павильона «Культура», в дальней северной его части. На просторных столах размещалась сотня клеток с кошками и котятами. Глаза разбегались от разнообразия, но Иван заранее просидел несколько часов в интернете и определился с породой будущей любимицы. Только «персы».

Огромные Мейкуны, лысые Сфинксы, вислоухие плюшевые Британцы, грациозные длинноногие Абиссинцы, короткохвостые Бобтейлы, американские Керлы с ажурными ушами и безумным взглядом, Бомбейцы, Гаванцы и прочая экзотика... Все они, в большинстве котята, кто спали, кто бродили по широким клеткам, кто пили воду или грызли сухой корм. Другой сегодня не допускался, иначе запахи туалетных лотков «задают» ожидаемых покупателей.

Особый угол занимали «персы». Их на выставке было много. Но Ивана потянуло к определённом столу, где в

клетке дремала большущая кошатина золотистого оттенка. В огороженном расшитыми подушками пространстве ползали четверо пушистых рыжих котят небывалой красоты. Пятый котёнок сидел отдельно и смотрел в сторону, чуть покачиваясь и жмурясь.

Стена за столом с клеткой была сплошь закрыта прикрепленными ленточными розетками-вымпелами, означающими победы на выставках родителей котят.

Удивлённый необычным поведением котёнка, Иван подошел ближе.

– А что это он у вас такой строгий? – спросил он у весьма полной женщины лет сорока, обмахивающейся китайским веером.

Оттянув декольте цветастого платья, женщина подула себе на грудь и устало ответила:

– Это не «он», это «она», Черри Вишенка. Чувствует девочка свою уникальность. Она здесь, – женщина показала веером на пространство выставки с клетками, со многими сотнями котят... – Сама догорая. Две тысячи евро.

– Сколько? – поразился Иван и посмотрел на котёнка с уважением.

– Две. – Коротко ответила заводчица и улыбнулась. – Ты не торгуйся, парень, это цена со всеми скидками. Бери, не сомневайся. Твоя кошка, сразу вижу. И только наличные, с налоговой стараюсь не связываться, мне и так приходится платить устроителям выставки.

И Иван не стал торговаться.

– Где здесь банкомат?

– У входа. – Уверенная в покупке котёнка женщина указала веером направление. – Только поспеши, к ней сегодня многие приглядывались. Переноску я тебе дам бесплатно. Придешь, я поставлю печать в её паспортах, российском и заграничном. Наши организаторы через печати отслеживают количество покупок.

– У неё есть загранпаспорт? – Удивился Иван.

– Ещё какой. Её дедушка из Канады, мамашка, вон она, в клетке спит, из Англии. Мамашку Джейн даже по телевизору показывали. Черри первая в помёте и поэтому высокая цена. Остальные от полутора до тысячи евро, дешевле нет. – Кошачья заводчица протянула руку погладить рыжего котёнка, но та сделала два дрожащих шажка в сторону. – А я уж думала пустить её в производство. Но жалко ведь? Да?

– На беляши что ли? – уточнил Иван.

– Господь с вами! – испугалась женщина. – На производство котят для продажи. Она ведь элита. Но организм кошки после третьих родов быстро изнашивается. Котята будут качественными, а сама кошка потеряет привлекательность через два-три года.

Котёнок даже ушком не повела, пока решалась её участь. Степенность красавицы-животинки ещё больше понравилась Ивану.

– Пошел я снимать деньги с карточки.

Пока Иван ходил к терминалу, около стола с колобками-персами возникла дама лет шестидесяти, одетая для пикника на природе. Короткие шорты не скрывали колени в складку, белая футболка обтягивала живот, а оранжевая бейсболка еле прикрывала плохо покрашенные седые волосы. Но женщина, закинувшая на плечо пёстрый рюкзачок, явно не комплексовала. К заводчице она обратилась панибратски.

– Это у тебя котёнок самый дорогой? Мне организаторы выставки сказали. Я беру.

– Даже не посмотрите? – Почему-то напряглась заводчица. – Вот она сидит, красotka. Зовут Черри, Вишенка.

Обе женщины уставились на котёнка, а она на них.

– Больше похожа на апельсин, чем на вишню, – заметила покупательница. – Но мне всё равно. Я куплю её для прикола. Все тусуются с собачками, а я буду с кошкой.

– Не продам, – решительно ответила заводчица. – Животных в доме необходимо любить.

– А я больше денег дам. – «Спортивная» дамочка покопалась в рюкзаке и достала портмоне, полукруглый от вложенных денег. – Добавлю ещё пятьсот евро, по курсу.

– Я щас тебе добавлю, гримза старая. – Не стал сдерживаться подошедший Иван и наносное воспитание вмиг слетело с него, оставив откровенное хамство. – Я первый застолбил кошку, и ты здесь деньгами не тряси, не удивишь.

– Слышь, мордатый, – дамочка покраснела от бешен-

ства. – Тебя наверняка мало кто любит и кошка тебе ни к чему, запугаешь своей рожей элитное животное.

– Ах ты, кляча толстая... – сжав кулаки, Иван считал про себя до десяти, сдерживая желание въехать кулаком в ненавистное наглое лицо в мелких морщинках.

«Оба суки», – решила заводчица.

– Значится так, – продавщица прищурилась и нервно обмахнулась веером. – Кому котёнок позволит себя погладить, тому и продам её.

Соседи по «котячьим» столам, в большинстве женщины, с удовольствием и завистью смотрели за торгом, когда стоимость за котёнка шла не вниз, а вверх.

От протянутой женской руки Черри уклонилась, зато Ивану удалось погладить кошечку по нежной пушистой голове и лицо у него на секунду стало... человечнее что ли.

– Забирай, – разрешила заводчица и достала из-под стола клетчатую переноску. – Забыла сказать – она не урчит.

– Не понял. – Насторожился Иван.

– Не урчит она, когда ей приятно. Наследственное. На самом деле они, персы, урчат, но неслышно.

– Переживу, – выдохнул Иван.

Прихватив за шкурку котёнка, женщина всунула Черри в переноску.

– Подожди минуту. – Заводчица повернулась к соседке помладше её, с повышенным вниманием наблюдавшей за торговлей «персиками», и протянула той бумаги, спрятан-

ные под подстилку. – Шлёпни печати.

– Эквивалент – двести евро, – радостно сообщила соседка, развинтила печать, дунула на неё и от всей души оттиснула на бумагах. – Знатный котёнок.

Отдав деньги, Иван обошел обиженную «спортивную» дамочку и гордо пошел к выходу, крепко держа переноску.

– Что бы споткнулся на банановой корке и переломал себе ноги. – Пожелала ему в спину дамочка.

– И тебе упасть со скалы, туристка. – Не задержался с ответом Иван.

У высоких дверей его нагнала заводчица.

– Вы с нею понежнее, – слезливо попросила она.

– Будет жить, как королева, – пробурчал Иван и вышел из павильона в жаркий день.

* * *

В квартире котёнок освоилась сразу же. Прошла на балкон и там, в уголочке, написала. После этого забралась на диван, перебирая коготочками толстых лап, уселась на лучшую расшитую подушку и начала вылизываться розовым язычком.

Иван тут же метнулся к ноутбуку для уточнения быта кошки.

Сбежав в зоомагазин, Иван купил, всего, что положено котёнку: особое питание, лоток, ногтеточку, три игрушки и щётку для вычёсывания. Брал всё самое дорогое и молодень-

кая продавщица, летающая по магазину и тряся длинной ко-
сой, счастливо вздохнула при его расчёте:

– Вы сегодня сделали магазину дневную норму, приходите
чаще.

– Приду, – уверил Иван, смерив тощенькую девчущку
оценивающим взглядом. Понравилась. Его вариант фигуры:
маленькая, худенькая, грудью плоская. Но не престижная.

Полтора года Черри вела себя благопристойно. По вес-
не и осени немного орала диким голосом, похожим на при-
зывный вопль павлина, требуя кота, но после капель «антис-
кекс», успокаивалась и продолжала радовать взор Ивана сво-
ей уникальностью. Ночью она укладывалась рядом с ним в
постели на бедро и тихо сопела.

До сих пор оставшаяся в статусе любовницы Карина спала
на диване в гостиной и возмутилась только один раз. Первый
и он же последний. Иван лениво сообщил Карине, что если
придётся выбирать, то он для проживания в своей квартире
выберет Черри.

Но Карина нашла для себя применение в обслуживании
кошки. Она возила её на выставки и всегда приезжала с вым-
пелами и сувенирами. Девушке нравилось получать награды,
а вот Ивану Карина окончательно надоела. И он, ничего не
объясняя, поставил у входной двери чемоданы Карины, пока
та ездила на рынок за продуктами.

– Ваня! – возмутилась девушка.

Молча открыв дверь, Иван соизволил произнести:

– Надоела. У меня на тебя больше не стоит. И похудей, задница у тебя широкая и сиськи большие.

– У меня мировой стандарт! – Кричала Карина на три этажа. – Третий размер груди и сорок шестой одежды.

– Пошла на х...

И Иван закрыл дверь за бывшей любовницей.

Этой весной Черри показала характер. Углядев орущего под окнами рыжего ободранного кота с надкусанным ухом, она спрыгнула с форточка вниз, со второго этажа. Иван глазам своим не поверил, наблюдая за её побегом.

Он тут же спустился к подъезду. У лавочки кот-боец вопил на Черри, а она на него. До потери девственности дело пока не дошло. Подхватив кошку под толстый животик, Иван вернул её в квартиру.

Теперь, уходя на работу, он закрывал форточку. Вечером всегда встречал рыжего кота у лавочки, а в квартире духоту. Пришлось вставить в форточку сетку.

Но один раз, сводя-дебет-кредит отдельного от фабрики бизнеса, он напился, чего с ним бывало крайне редко, и забыл закрыть окно на ночь. Утром в квартире Черри не было.

Обойдя все ближайšie двory, Иван дал дворнику-узбеку денег и обещал заплатить в два раза больше, если он найдёт Черри. Дворник послушно приносил всех пойманных кошек, даже того рыжего кота, с надкусанным ухом. Но Черри не нашлась.

На два дня скорбь заполонила Ивана, искренняя и глубокая. Он плакал вечерами, лёжа в одинокой квартире, а днём срывался на работе на подчинённых, запретив выплату премий и обкладывая всех попадающихся на глаза рабочих матом.

И ещё у него случился срыв, которого не было лет пять. Он дико пел до срыва голоса песенку из детства: «Раз морозною зимой, вдоль опушки лесной. Шел медведь к себе домой в тёплой шубе мехово-о-ой!!!» После чего долго молча лежал, прикрыв глаза и испытывая головную боль.

С алкоголем завязал окончательно.

Наш звериный коллектив

Я теперь понимаю, почему медведей держат в клетках на улице. Во-первых, у них жесткая и грязная шкура, а во-вторых – запах. Само животное пахнет так, что без маски стоять около него больше пяти минут могут только те, кого это животное кормит.

А уж после того, как медведь выдаст то, что он съел, а ест он много, около него надолго не задерживаются ни владельцы, ни активисты Гринписа. А я – вот она, с Матильдой и в светлые для нее моменты кормежки, и в остальные моменты... тоже.

Матильда стояла на задних лапах, вцепившись передними в прутья клетки, и топала. Хотя по медвежьим стандартам весила она немного, клетка раскачивалась, доски пола прогибались, Матильда редела, требуя завтрака.

– Сейчас, моя девочка. Потерпи двадцать минут, – заворковала я, и медведица, приняв обещание, шлепнулась на толстую задницу.

Пусик, гремя цепью, рыкнул на медведицу. Обойдя её клетку, он улегся рядом с бытовкой Виктора Павловича и наблюдал за мной.

Я растопила ящиками уличную «буржуйку», поставила сверху казан с водой на пятнадцать литров, загрузила рыбу для животных и села чистить размороженную рыбу для себя,

акробатов и этого, нового.

Четыре пеликанши и их крупный «бригадир», видя мои приготовления, душераздирающе орала, клокотали под клювными мешками и хлопали крыльями в пластиковом бассейне под сеткой. Они всем видом показывали, что готовы есть и замороженную рыбу. Но этого нельзя делать ни в коем случае, горластые птицы простудятся. И хотя сегодня им еда положена только в обед и вечером, во время представления, я скормлю им граммов по двести рыбы на клюв, щадя собственные уши и нервы артистов.

Поставив ближе к себе восьмилитровую кастрюлю с водой, я складывала в неё очищенную рыбу.

Из своей бытовки, потягиваясь, в драных спортивных штанах и с голым накаченным торсом вышел Виталик. Добрый и пьющий. Но, герой не моего романа.

– Скоро будет готово? – спросил он всеядным голосом.

– Через полчаса. У тебя майонез остался?

– Не-а. А с кем ты утром разговаривала? – Виталик протестки подмигнул мне. – Или мне показалось?

– Не показалось. Виталь, тут парень на работу попросился. Пусть у нас пару дней отсидится? – я спросила для соблюдения «политеса», Виталик мало кому в чём отказывал.

Зевнув, он щелкнул челюстями и уточнил:

– Деньги у него есть?

– На ящик пива хватит. – Я разорвала коробку из-под рыбы и втиснула её в «буржуйку».

– Ты ж знаешь, я пиво пью только при отсутствии водки, – обидчиво напомнил мне Виталик.

– Будет тебе вечером водка, – щедро пообещала я.

– Тогда ладно, пусть живет.

Виталик потрусил к уличному туалету, хлопая себя по голому рельефному животу и напевая: «Ландыши, ландыши, светлого мая приве-ет...»

* * *

Растоптанные кроссовки остановились у «буржуйки», откинув по пути сосновую щепку. Старые, спущенные носки, рабочие штаны защитной раскраски. Руки в карманах, выпирающий живот в комбинезоне и в шёлковой майке, одутловатое лицо не похмельного человека.

Сергей удивленно смотрел на меня.

– Ты чего делаешь?

– Завтрак готовлю. Для зверей и для нас. – Я вскрыла вторую коробку с мясными обрезками и ребрышками, и оглядела «найденыша». – Тебя же просили полностью переодеться, а ты шёлковую майку оставил.

– Не мог же я грязный чужой комбинезон надеть на голое тело. – Сергей заглянул в котелок. – Ты хочешь сказать, что я тоже буду есть эту рыбёшку?

– Конечно, всё равно больше есть нечего. С майонезом очень вкусно. – Я показала ножом на его майку. – Ты ко-

гда-нибудь видел разнорабочих в шёлковых майках? Сними её, намочи, выжми и надень мятой. Кран прямо за мной. Или ты пошутил насчёт погони?

Мужчина оглядел облезлые бытовки, унюхал стойкий запах помета животных и проводил трезвеющим взглядом Виталика с кухонным полотенцем на плече бредущего к водяной колонке.

– Блин, ты права. Не отошел я после вчерашнего. – Он сморщил нос, и указательный палец на правой руке нервно задрожал. – Только я вот это варево не буду. Может, есть буженина или сёмга?

– Нету буженины. – Я сняла казан с рыбой на землю для остужения и поставила кастрюлю для персонала. – И денег на сёмгу тоже нет.

Странный мужик. Ведёт себя очень уверенно, руки небольшие, холёные. Но вот лицо типичного пьяницы. Глаза осоловелые, щеки дряблые. Хотя у богатых такие морды тоже бывают.

– Эй, привет! – Улыбающийся Виталик включил холодную воду в кране во дворе шапито и умывался, брызгаясь. – Это тебя Настя на работу взяла?

– Чего ты орешь? – Сергей с мрачной завистью смотрел на спортивное тело Виталика. – Я же прячусь.

– А-а, понял. – Виталик закрыл кран. – Я вот тоже от жены полтора года бегаю. – Он слегка вытерся серым полотенчиком и протянул руку. – Виталик. А тебя, слышал, Серёгой

зовут?

Сергей пожал мокрую руку.

Виталик с удовольствием втянул запах вареной рыбы.

– Вкусно. И, представляешь, Серёга, в кошельке даже со-тенной нет. Майонез, пиво. – Виталик мечтательно закатил глаза и тут же ласково посмотрел на Сергея. – Обсудим меню?

Мужчины отошли в сторонку, душевно разговорились и к моменту, когда я посолила рыбу и вымыла руки, подали мне список с деньгами.

– Вот, надеемся, донесёшь. За сколько обернёшься?

Список был длинный, но выполнимый.

– Постараюсь быстрее. Виталь, через двадцать минут контролируй раздачу для наших, а то кордебалетные девицы увлекутся и Толик с Колеком останутся без рыбы.

– Обязательно, – уверил Виталик. – И купи мне ещё «Сникерс».

Знакомство в душе

Я не стала переодеваться в цивильную одежду. Ополоснулась под краном, переменяла синий халат на белый и пошла в магазин. Ближайший был на площади авто и железнодорожных вокзалов Городка.

Сам автовокзал представлял собой одноэтажный деревянный дом, выкрашенный в тёмно-синий цвет. Перед ним, через круглый скверик с бетонной, заросшей сорняками, цветочной клумбой, располагался железнодорожный вокзал. Здание вокзала возводилось никак не позже пятидесятих годов прошлого века. Но отремонтированное и покрашенное в красные и серые цвета РЖД.

Целиком площадь перед вокзалами с деревянными сетками в платях забытых фасонов двухтысячных годов была ещё там, в начале двадцать первого, только торговые павильоны пестрели ассортиментом двадцать первого века, а двухэтажный магазин назывался «Супермаркет».

Как только наше Шапито прибыло в Городок, из трех торговых павильонов для отоваривания я выбрала Супермаркет, и не ошиблась. Его владелец, как потом выяснилось ещё трёх таких же магазинов, крепыш Гена, после короткого разговора предложил возить прямо в цирк партии рыбы, обрезки мяса трех сортов, хлеб, крупу, а также всяческие моющие средства, ткани и туалетную бумагу.

После трёхкратных созвонов и уточнений цены и объёмов поставок продуктов, всё всех устроило, и через день в Шапито приезжал шофер на старом зеленом Джипе. Он молча протягивал накладную со списком привезенных товаров. После разгрузки, которую он переждал, курия в тенечке, протягивал руку за деньгами. Буркнув: «Пока», уезжал, даже не представившись.

С самим Геной у меня поначалу получился небольшой конфликт. Утром я, привычно принимала душ. Душ у нас на улице, отгорожен от мира пластиковыми, прозрачными шторами, расписанных разноцветными ракушками.

В цирке летом, а иногда и зимой, все ходят полуголыми, такова специфика профессии. На обнаженное тело реагируют только с эстетической точки зрения, советуя какие мышцы подкачать.

Не задумываясь о стеснении, я массировала голову в пене ароматного шампуня, когда напротив меня в душе встал полураздетый мужчина. Он оглядывал меня и одновременно раздевался.

Из наших, из цирковых, на это никто не мог пойти. Нравы у нас не пуританские, близость не считается особым грехом, но никто никого особо не принуждает. Ощутив рядом чужого, я быстро смыла шампунь.

Передо мной елозил крепыш Гена. Он как раз расстегивал джинсы. Я молча попыталась вытолкнуть парня на улицу, но тот держался крепко. Невысокий, скорее маленького роста,

он явно следил за фигурой. Подкачанные мышцы, рельефный пресс, сильные руки.

Гена явно настроился на близость под душем, необычность обстановки его сильно завела, и отступить он не собирался. Бормоча: «Тебе будет хорошо. Чего ты фордыбачишься, дура? Я человек благодарный...» – и все остальное в таком же духе, он уже стянул с себя не только джинсы, но и трусы – стояло у него так, что хоть ведро с водой вешай.

Я заполошно заорала: «Палыч! Виталя!», завертолетила руками и ногами... И через десять секунд Гену вытащили из душа.

Палыч и Виталик наблюдали, как я вытираюсь большим полотенцем. Гена натягивал на себя мокрую одежду. Я швырнула в Палыча ажурным бюстгальтером.

– Вы чего, мужики? Не могли его сразу от меня оттащить?

Виталик и Палыч переглянулись.

– Так мы ж не знали. Ты человек свободный, может, сама захотела...

– Халат подайте, – попросила я, огрев полотенцем Виталика по голове, а Палыча по спине. – Наблюдатели хреновы.

Гена, понимающий, что ему сейчас набьют морду и будут правы, слушал наш разговор с удивлением. Осознав, что битья не последует, он дождался, когда я уйду в бытовку, и стал жать руки мужчинам.

– Будем считать, что ничего не было. Погорячился.

– Как это ничего не было? – Виталик развел руками. – На-

стя у нас девушка порядочная, многого стоит. Две бутылки водки. А то и три.

– Договорились.

Гена быстро сбегал в свой супермаркет, принес цирковым две литровые бутылки водки, килограмм одесской колбасы и белый хлеб. А мне батончик шоколада с молочной начинкой, который я терпеть не могу.

И больше никто этот случай не вспоминал.

* * *

Сегодня, развернув бумажку со списком, я встала перед бакалейным отделом супермаркета. Продавщица с бейджи-ком на халате «Яна», смотрела на меня без профессиональной улыбки и, я бы даже сказала, с личной неприязнью. С таким выражением лица никакой макияж, даже такой агрессивный, как у Яны, девушку интересной не сделает.

– Чё те? – без энтузиазма спросила она.

По закону подлости по торговому залу шел Геннадий. Трезвый, собранный, в офисном костюме.

Сделав лицо профессиональной домашней хозяйки, обеспокоенной затариванием холодильника, я пробурчала:

– Мне, пожалуйста, литровую бутылку водки, полкило карбоната, два килограмма копченой колбасы, ведро майонеза, пять бутылок пива, пачку пельменей, три буханки хлеба и «Сникерс».

– Разбогатела? – Гена всегда смотрел на меня со снисхождением молодого самца обезьяньей стаи, решившего обрадовать самую серенькую самку. – А знаешь, если тебя переодеть в нормальную одежду и накрасить, ты будешь очень даже ничего. – Он, улыбался, не обращая внимания на реакцию ревнивой продавщицы. – Фигура у тебя дай бог каждому. Только духи дерьмовые.

Я молча сложила покупки в тряпичные сумки. Пластиковые пакеты не беру принципиально – я за экологию. А «духи» мои состояли из запаха медведицы, птиц, собак и туалетного мыла «Дав», которое усугубляло запах всего остального.

Гена продолжал со мной заигрывать.

– Помочь донести продукты? У меня есть пара свободных грузчиков.

– Не надо, – испугалась я присутствия в Шапито посторонних людей, когда мне доверена серьёзная миссия спасения похмельного Сергея от непонятного преследования.

В магазин заскочил запыхавшийся молодой парень с включённым смартфоном в руке.

– Гена! Извини, что опоздал на работу, новости местные смотрел. Привет, Янка... Держись за кассу, Гена! Ваньку замочили! Почти... – Парень кинул телефон на прилавок и уставился на мой белый халат. – У нас что, санэпидемстанция или мышей травим?

– Не напрягайся, Вася, это свои. – Гена включил свой

смартфон, нашел местные новости. – Кошмар какой. «Сотрясение мозга и несколько ран у заместителя директора обувной фабрики Ивана Петровича... застрелен охранник...» Так, это понятно. «Заказное убийство в нашем Городе – не начало ли это криминального передела сфер влияния?..» Ну, это они круто замахнулись. На что у нас влиять, кроме помирающих молокодоилен и обувной фабрики?

«...Заместитель директора, Иван Петрович Соловьёв от госпитализации отказался. Охранник, Пётр Животинкин находится в реанимации первой городской больницы... Пропала крупная сумма денег из фабричного сейфа...» Да, ребята, и это в нашем тихом Городке! Вот так, Настя, и до нас добралась криминальная революция. Дождались. А ведь Ваня половине города как старший брат. Всех детдомовских построил на свою фабрику.

Гена дальше читал статью из смартфона на разные голоса, не то действительно переживая, не то слегка издеваясь над случившимся. Меня несколько удивило его спокойствие. Василий гораздо ближе к сердцу воспринял нападение на фабричное руководство.

– А убийца-то по городу разгуливает! – Глаза у парня возбужденно блестели. – В городе операция «Перехват». Убийца, говорят, специально приехал из Москвы.

– Кто говорит? – Гена оторвался от телефона. – Здесь ничего не написано.

– Люди говорят, – убежденно настаивал Вася.

– Васька, дуй на склад, на своё рабочее место, а мне срочно нужно бежать по знакомым. У меня же двадцать семь процентов обувной фабрики... Нужно застолбить ситуацию.

Гена выскочил из павильона, на ходу уверенно хлопнул меня по попе.

– Заходи почаще, ароматная.

* * *

На против магазина и павильонов стоял газетный ларек. Две тетки, мешая друг другу толстыми задами, в полный голос обсуждали с киоскершей щекочущую нервы новость о нападении и ограблении.

Мне пришлось их подвинуть, чтобы скупить все местные газеты.

В скверике, на старой лавочке у бетонной цветочницы, скучали двое накачанных парней в дешевых спортивных костюмах. Они курили и посматривали по сторонам. Ясно было, что они никуда не спешат, и их интересуют молодые мужчины. На «голубых» парочка не тянула.

Значит, отлов напавшего «москвича» ведет не только полиция.

Как раз в этот момент на площадь заехала патрульная машина, сделала круг почета и скрылась. Парочка усиленно рассматривала сорняки на клумбе. В машине их заметили, но сделали вид, что лавка пустая.

Сергей и дурацкие обстоятельства

Около остывшей «буржуйки» сидел Виталик в старых трениках, шкрябал по стенке кастрюли ложкой.

– А мы с твоим протеже уже позавтракали, – сыто доложился он и отставил большую кастрюлю.

– Он что, простую вареную рыбу ел? – удивилась я.

– Сожрал за милую душу, без хлеба и майонеза.

– А птицы? – Я оглянулась на молчавший дачный бассейн.

– Птицы в ажуре. Чего вкусенького принесла? – Виталик вскочил, взял тяжелые сумки, заглянул внутрь. – Здорово, приятно глазу. Жалко, я про ананасы в собственном соку забыл.

– А как бы я их донесла, Виталя? – Его жадный взгляд на сумки заставил меня напрячься. – Отдай пакеты, жрачка не твоя, оплачена чужим человеком.

– А пиво? – по-клоунски переигрывая, обиделся Виталик.

– Пиво придется отрабатывать. – Я сделала лицо мачехи из сказки «Золушка». – Свари мясо, отдели его от костей и добавь витамины, покорми шпицев, а все, что останется, скорми Пусику и Матильде.

– Садистка. – Виталик притворно вздохнул. – Ну, хотя бы одну бутылку, для затравочки.

– Как ты репетировать будешь?

– С песней! – Виталик достал из сумки бутылку, в секунду

открыл и приплясывая, пошел к разморожившейся коробке с мясом у холодильника. – «Ландыши, ландыши, светлого мая приве-е-ет...»

Я поспешила в свою бытовку.

* * *

Сергей, сидя не единственном стуле, смотрел телевизор и на меня не оглянулся.

Котята мирно спали в коробке, стоящей у кровати, свернувшись калачиками, сопели плоскими носиками. Ну создала же природа такое очарование. Мусяки в коробке не было. Судя по рычанию и нервному собачьему лаю, он пошла дразнить огромного Пусика.

Днём, ближе к обеду, Мусяка взяла себе в привычку прогуливаться во дворе, между бытовками. Она садилась напротив Пусика и, задрвав заднюю лапку, начинала тщательно вылизываться, делая вид, что огромного пса не существует. Пёс бесновался, щёлкал пастью, рычал и рвался вперёд, мечтая закусить Мусякой. Но цепь, держащая собаку, заканчивалась за полметра до кошки. Так что Пусик рычал, а кошка доводила себя до совершенства.

Я кинула купленные газеты на кухонный стол и, распределяя продукты в своем маленьком холодильнике, начала негромко говорить, наблюдая за реакцией мужчины.

– В городе громкое ЧП. По улицам ездят полицейские машины. Спортивные парни контролируют вокзал.

Спина Сергея напряглась. Он медленно взял газету... Лицо его изменилось, он бледнел, читая текст.

– Я его не хотел убивать, и в охранника не стрелял. Не покушался, понимаешь. Я Ивана бутылкой оглушил и на всякий случай решил пару дней отсидеться в Городке, посмотреть... Обдумать... – Он обернулся. – Ну, что ты молчишь? Сдавать меня пойдешь?

Мне показалось, Сергей задрожал от страха. Я пожала плечами.

– С тебя тысяча в день. За риск.

Сергей отбросил газету, вытер ладонями пот со лба и закрыл лицо.

– Спасибо.

Я села на кровать.

– Кто же тебя так подставил?

– А? – Сергей поднял голову. – Не знаю. Знаешь, что странно? В газетах написано, что пропали деньги.

– Там были деньги?

– Да. В открытом сейфе. Много. И в рублях, и в валюте. Мне стало еще интереснее.

– И где же деньги?

– Не брал!

– Слышь, брателла! – в бытовку заглянул Виталик. – Пойдём помогать, нам нужно пропылесосить и пролить водой все напольные покрытия в Шапито и ряды зрительских сидений. Дышать нечем от пыли.

* * *

Разматывая длинные шланги, Сергей чертыхался про себя...

Бывают, бывают в жизни стечения обстоятельств, после которых остается хвататься за голову и спрашивать себя, глядя в зеркало или в кусок треснувшей жизни, – как же это меня угораздило?

Несколько лет подряд Сергей спокойно ездил в Городок, так он отвлекался от нелюбимой работы в Москве. Сдавал налик Белле Игоревне, тётке с классическими данными провинциальной главной бухгалтерши – пятьдесят четвертого размера и пятидесяти четырёх лет. Оформление занимало часа полтора.

А дальше Сергей доставал из камеры хранения палатку, спальник, котелок и ехал на автобусе до деревни Бабино, где занимал прабабушкин домишко и бродил по окрестным ле-

сам, собирая грибы и ягоды. Смотрел по пузатому телевизору две программы, пил с соседом самогон и чувствовал себя свободным.

В последние годы в Городок ездил не он, а кто-нибудь из заместителей. Но захотелось забрести на несколько дней в лес прогуляться, погреться под среднерусским солнышком, поискать грибы и отдохнуть душой в одиночестве.

Позавчера, завернув сорок три тысяч долларов в полиэтиленовый пакет, он привычно собрал сумку с вещами. Мама отпустила спокойно, а вот дочь Анечка, как предчувствовала, повисла на шее и просила без неё не уезжать.

Дочку Сергей любил не просто как нормальный отец любит ребенка, но ещё и жалея. Аня в четыре года попала под мотоцикл, выбегая через дорогу, и с тех пор хромала.

С женой, периодически погуливающей со своим начальником по работе, он развелся несколько лет назад. После аварии, когда дочка охромела, родная мать практически перестала к ней подходить, брезгуя трогать кровавые бинты и испачканные полотенца, Сергей сторговался с женой на определённой сумме и за месяц оформил регистрацию установления опекуна. За него пришлось отдать «той женщине» ещё и мамину однокомнатную квартиру. Мама с удовольствием переехала к Сергею присматривать за внучкой. После отъезда ненавистной невестки она за свой счёт освятила квартиру.

Взяв билет в СВ, Сергей надеялся избежать говорливого и

пьющего соседа. Зря надеялся. Обычно в полупустом, из-за дороговизны билетов, вагоне СВ на этот раз свободного места не оказалось. Попутчик попался на редкость компанейский. Общения хватило до утра и на три бутылки водки.

Утром Сергей шагнул из вагона на жаркую платформу Городка с острым желанием забраться по горло в бочку с холодным пивом.

* * *

Примерно в то же время Иван Соловьёв ехал на работу на новом кроссовере БМВ. Иван клял всех пешеходов, водителей и свою разыгравшуюся язву.

В офисе Иван наорал на охранника Животинкина и буркнул секретарше: «Не трогай и вали домой». В кабинете напился «Альмагеля» и ждал, когда пройдет тягучая боль в желудке. Сообщение о том, что главбух Бэла Игоревна весь день пробудет в банке, разозлило его так, что язва сама закрылась и замолчала.

Сам себя Иван попросил не волноваться, один день и без бухгалтерии можно поработать, только не нужно пренебрегать святым действием – выдачи указаний по производству.

Но через минуту к нему в кабинет ввалился Сергей. Потный, в старых джинсах и в мятой футболке, он начал выкладывать на стол деньги. Они вывалились из порванного пакета и не были сортированы «по картинкам», как принято при

сдаче в банк и смявшиися. Иван с ненавистью взглянул на московского парня, которого часто видел лет пять назад, в директорате, и на него тогда, просто технолога, этот мажор внимания не обращал.

– Мы вчера давали телефонограмму по всем филиалам, что принимаем оплату только в рублях!

Сергей поднял покрасневшие глаза на желчного Ивана, устало достал из сумки бутылку пива, открыл и стал жадно пить, введя исполняющего обязанности директора, не пьющего и не курящего, в ступор.

– Вы чего себе!.. П-позволяете!

– Пиво будешь? – спокойно спросил Сергей, выставив на стол вторую бутылку.

Иван почувствовал, что его сейчас же, немедленно вырвет от отвращения. И к пиву, и к самодовольному москвичу в аромате утреннего перегара.

– А ну, пошел отсюда вон! – он хотел добавить «алкоголик», но его смутила очень простая футболка за двести долларов и платиновые часы с сапфировым стеклом за много-много тысяч.

– Слушай, – Сергей сделал еще несколько глотков пива и сел удобнее. – Чего ты разорался? Я привез тебе деньги. Ну, не тебе лично, фабрике. Деньги-то реальные, не фальшивые, в срок и без налогов. Ты их возьми, парень, и не выпендривайся.

– Я отказываюсь тебя обслуживать. Иди, prospись и воз-

вращайся после обеда, – стал закипать Иван.

Как же он ненавидел этого московского хлыща. Ему-то, как он слышал, его магазин «Рыболов-Охотник», элитный обувной цех и склады достались в наследство от отца. А Ивану пришлось зубами и ногтями выдирать фабрику из долгов. Её филиал – заливочный цех, где из пластика, из резины и других гибких материалов лили подмётки, вышел на уровень, когда стало возможно продавать продукцию на сторону.

– Значит, денег не возьмешь? – Сергей прикрыл нос, сдерживая пивную отрыжку.

– Нет! – Иван откинулся в кресле. – Можешь жаловаться хоть замминистра лёгкой промышленности. Он, как я слышал, тоже за здоровый образ жизни.

– Чего ты несёшь? – удивился Сергей. – Ладно, не буду напугать здешний дружный трудовой коллектив, пойду отоплюсь в гостинице и заскочу во второй половине дня. Может Белла Игоревна появится, я к ней давно привык. Она пива тоже не пьёт, зато не хамит.

Во время монолога Сергея, Иван смотрел с крепнувшей неприязнью.

– Лучше не возвращайся.

* * *

Как верно подмечено в народе, неправильный опохмел ве-

дет к длительному запою.

Дойдя до единственной одноэтажной гостиницы, Сергей выложил на стойку ресепшена паспорт и деньги. Женщи-на-администратор, его ровесница с глубочайшим декольте в фиолетовой футболке, смотрела на него благожелательно.

– Мне одноместный номер... – вздохнул Сергей и продолжил. – И как можно быстрее, трясёт меня.

– Вижу, – сочувствовала молодая женщина. – Бывает.

В номере он принял холодный душ. Терпел минут пять, потом выскочил из ванной комнаты. Стало прохладно, а кондиционер гнал зимний воздух. Сергей испугался за свое здо-ровье.

Он вышел в бар за пивом, но, не выдержав, пропустил па-ру рюмок водки... А через час просмотра футбольного мат-ча, там же, в баре, еще три.

В номере из последних сил вытряхнул из сумки деньги, перемешавшиеся ещё в поезде, после её многократного ро-няния, когда разорвались резинки. Постарался сложить ку-пюры правильно.

...И явился для расчетов на фабрику в пять часа дня за де-сять минут до закрытия. В пятницу работу на фабрике закан-чивали после первой смены. Иван, как всегда, задержался дольше всех, разбирал документы. А куда ему спешить? До-ма никого нет. Карину он отшил окончательно, а Черри-Ви-шенку до сих пор не нашли и домой она не вернулась.

Достав из ящика ещё одну фотографию в рамке, Иван по-

целовал Черри в нос. Кошка сидела на подоконнике среди горшков с длиннолистной традесканцией, которую она постоянно обгрызала. Перед нею стояли четыре зелёных сапожка.

Решив лично подзаработать, дизайнер Вера Олеговна взяла на себя риск и, поскольку на фабрике осталась форма для заливки крохотных сапожек, стала поставлять их в зоомагазины. И дело пошло. Ажиотажа не случилось, но продажи пошли стабильные.

«Тиха украинская ночь, но сало нужно перепрятать», – вспомнил, а вернее, не забывал присказку Иван и подошел к сейфу. Он почти заполнился, и пора было везти деньги в Питер, класть на счета.

А ведь к зиме Иван хотел купить небольшой особняк в пригороде с высоким забором. Там бы Черри гуляла в полной безопасности по травке, купалась бы в пруду. Его Черри обожала плавать в тёплой ванной. Он бы для неё запустил в пруд золотых рыбок.

И в эту минуту его мечтаний в кабинет впёрся пьяный Сергей.

– Деньги примешь? Я их рассортировал.

– Как же я посылать таких мажоров, как ты... – Рука Ивана потянулась к пистолету, лежащему на отдельно полочке, но задержалась на стопках купюр. Денег было не меньше полумиллиона долларов.

– Так ты возьмёшь деньги, или мне обратно ехать в Моск-

ву? – Сергей тяжело сел на стул перед офисным директорским столом. – До понедельника я ждать не буду.

– Ладно. – Иван обернулся к «московскому гостю». – Давай.

Вытряхнув из сумки ещё более смятые, но разложенные купюры, Сергей прихлопнул их рукой.

– Слушай, парень... не помню, как тебя зовут.

– Иван. И прошу без амикошонства.

– Ни хрена себе, какие ты слова знаешь.

Пьяный-то пьяный, но Сергей не терял нормальной бдительности. Он заметил движение руки Ивана к пистолету и, опережая событие, быстро выхватил из сумки полупустую бутылку пива и огрел ею Ивана по голове. Заместитель директора мешком упал на пол, из-под волос на воротник посыпались осколки и потекла кровь.

Сгребая со стола свои деньги и какие-то бумаги в сумку, Сергей приложил пальцы к шее Ивана. Пульс был.

– Ничего ж себе, – раздался от двери мужской голос. Чегой-то с ним?

На пороге кабинета стоял обрюзгший толстый охранник лет тридцати, в чёрной форме, и тупо смотрел на лежащего на полу Ивана и стоящего над ним Сергея. На его бейджике было написано: «Пётр Животинкин». Действительно, «животинкин» решил для себя Сергей. «О чём я, дурак похмельный, думаю?»

– Мне лиять отсюда нужно, – доверительно сообщил

Сергей охраннику и бочком, бочком, выдвинулся из кабинета. – Вызови начальству «скорую».

Охранник проводил его непонимающим взглядом и стоял, раздумывая, что делать дальше.

– Не-е, – донеслось до Сергея, спешащего по коридору. – Тут не только скорую, тут полицию нужно вызывать. Мама дорогая! Это ж откуда столько денег?

– Мои, – тихо сказа очнувшийся Иван.

* * *

На первом этаже Сергей неожиданно услышал приглушенные голоса. Во всей фабрике было тихо, вторая смена не работала. Голоса доносились из-за стены. Но на втором этаже на этом месте коридор. Здесь числился склад фурнитуры. Но разве он такой длинный? Что находится за стеной?.. Но не об этом нужно сейчас думать, пора спасаться. По привычке всё фиксировать, Сергей промерял стену, шагами, равными одному метру.

Идя по улицам Городка с двухэтажными домишками, то деревянными, то кирпичными, Сергей решал куда ему теперь деваться. В гостинице его, как только очухается Иван, сразу вычислят. Московский поезд будет только ночью. Без билета он сядет в него запросто, а вот теперь куда деваться?

Впереди оказался ювелирный магазин, и Сергей понял – это лучший вариант.

– Девушка, я сюда, в городок, приехал не только по делам, но и к своей близкой знакомой. Очень близкой. – Начал «втирать» Сергей администраторше гостиницы свою версию. – Кулочник ей купил, вино белое, полусухое... И в самый интересный момент, в самый жаркий... Сергей добавил трагизма в голосе... – Раздался звонок в дверь и по сотовому телефону. Приехал её приятель, с которым она живёт. Ну, не ломать же девушке жизнь, а вдруг он её замуж позовёт?

На стойку ресепшена Сергей положил бордовую бархатную коробочку и открыл. В ней, на белом атласе, сверкнул золотой кулон.

– Не успел отдать, в сумке завалился. Понимаете?

– Понимаю, – с придыханием ответила администраторша.

– Этот мужик, ну её гражданский муж, он большой человек в вашем городе. Навесит на меня что было, и чего не было... – Женщина смотрела на Сергея непонимающе. – Вы уберите меня из компьютера. Не было меня здесь. – В коробочку Сергей положил сто долларов. – Мне нужно только переодеться, и я уйду через десять минут... через окно.

И Сергей поспешил в коридор, к номерам.

– А кулончик? – опомнилась администраторша, успевшая убрать сто долларов в глубокое декольте блузки.

– Себе возьми, ягодка, – оглянулся Сергей и улыбнулся.

«Вот везёт же некоторым девкам с мужиками», – позавидовала администраторша и взяла со столешницы ресепшена бархатную коробочку. – «А мой только обещает жениться и к ужину приносит хлеб, пельмени и дешёвую водку».

* * *

– А как же ты добрался до цирка? – Голос Насти вернул Сергея из воспоминаний.

Она стояла рядом с ним с половником и ножом в руках. Из бытовки шел вкусный запах. Внимательно слушал, чуть приоткрыв рот, и Виталик.

– Это отдельная песня. – Выключив воду, Сергей впервые улыбнулся Насте.

– Ну ты и влип, брателла. – И Виталик тоже выключил воду.

– Пойдёмте в бытовку, мальчики, я сварила куриный летний суп.

Всё пространство двора Шапито было залито водой и дышать в нём стало легче. И животным, и людям будет приятно в августовской духоте.

Смотав на локте шланг, Сергей повесил его на противопожарный щит.

– Пойдём.

– Ага, – согласился Виталик.

В бытовке, пока Настя разливала суп в глубокие пиалы,

Сергей крупными кусками порезал хлеб, а Виталик достал из холодильника бутылку пива.

– Жалко водочки нельзя, не очухаюсь до вечернего представления. Так что там было дальше с твоими приключениями?

– Как я добрался до шапито мне, ребята, неизвестно. Хочешь, купи себе сегодня шоколад, или шампанское, – неожиданно сказал Сергей. – Хорошая ты баба, Настёна, только... неухоженная.

– На себя посмотри, – без обиды отпарировала я. – Действительно, расскажи, что было после фабрики.

– Понимаешь, ребята, – Сергей отхлебнул пива из протянутой Виталем бутылки. – Ивана я знаю несколько лет, хотя близко не знаком. По отзывам в бухгалтерии и менеджеров, с которыми приходилось работать, замдиректора жесткий и равнодушный тип. Тогда я понял, что из гостиницы нужно немедленно сбегать, Иван будет мстить. Парни на фабрике слушают его как собаки хозяина. Покалечат и не заметят.

* * *

Выпрыгнув в окно номера, Сергей, в летнем светлом костюме с двумя сумками в руках пошел в сторону вокзала. Но «сушняк» долбил несчастную голову и тело Сергея. Выход был один – снова похмелиться.

Светиться в надоевших «Пятёрочке» или «Магните» ему

не хотелось, и он обрадовался, увидев небольшой частный магазин, типичный для маленького городка.

За прилавком винного отдела царствовала сорокалетняя продавщица в фартуке, придававшим ей лишние килограммов десять. Но ей шла аккуратная короткая стрижка и скромный макияж.

Мужик чуть младше её, в домашнем тренировочном костюме и тапках, копался в ободранном портмоне.

– Ищи, ищи, Димка, – негромко советовала продавщица, поглядывая на телевизор показывающим шоу Малахова. – Мне Таня вообще запретила тебе продавать водку, а ты ещё и в долг хочешь.

– Мне пивка, – извинительно просил Дима и, так и не сочтя мелочь, высыпал её на прилавок. – Крепкого. Холодного.

В один взгляд оценив сумму, продавщица выставила перед покупателем запотевшую бутылку «Девятки».

– Занесёшь восемь рублей.

– Да-а-а. – С вожделением, не глядя на продавщицу, произнёс Дмитрий и, повернув крышку, поднёс бутылку ко рту.

Запотевшая бутылка выскользнула из дрожащих рук и с грохотом упала на кафельный пол. Фонтаном разлетелись осколки и пенные брызги.

На мужика было больно смотреть. Отчаяние его, вполне интеллигентного человека, лишившегося похмельной порции было сравнимо с обидой ребёнка, не получившего мо-

рожденного, зефира в шоколаде и газировки одновременно.

Неспешно подойдя к прилавку, Сергей выложил деньги, оставшиеся в кармане лёгкого пиджака.

– Мне бутылку пива, сто грамм водки и вон те сигареты, а... тебя Дмитрий зовут?

– Да. А тебя как?

– Сергеем. Так вот Диме того, чего он хочет.

– Водки он хочет, – проворчала продавщица. – Пивом голову не обманешь.

И она выставила на прилавок бутылку, сигареты, упаковку колбасной нарезки и две бутылки лёгкого пива.

* * *

По бутылке пива выпили ещё там, в магазине, а потом брели по улице с пятиэтажными домами, прозванными «хрущобами» и молчали. Сергея шатало от недосыпа, похмелья и усталости.

– Сесть где-нибудь нужно, – пожаловался Сергей. – А то упаду в обморок с этой жарой.

Чуть не подскочив от радости, Дима стал тыкать пакетом с алкоголем в ближайший подъезд пятиэтажки.

– Давай ко мне завернём, у меня в квартире прохладно, кондиционер и холодильник.

– Давай, – тут же согласился Сергей.

Расположившись в большой комнате, чуть ли не полуго-

лые от жары, они с наслаждением пили и курили, пока им никто не мешал. Проговорили полночи. Как часто бывает с новыми знакомыми – обо всё и ни о чём. О семьях и футболе, о работе и мечтах.

Глубокой ночью, ближе к двум часам, Сергей решил «догнаться», надел пиджак, кроссовки, почему-то прихватил сумку с деньгами и пошёл к двери.

– Ты куда? – поразился Дмитрий, не могущий встать с кресла по причине алкогольной слабости. – Ты же пьяный!

– Магазин я тогда не нашёл... только помню, как разговаривал с вашей псиной. Где живёт Дима вряд ли найду. Вкусный у тебя супец, Настя, почти как у моей мамы.

– Это я её научил, – похвалился Виталик. – Она раньше даже бутерброды не умела делать. Избалованная.

Как красиво избавиться от котят

С утра жара стала плавить асфальт в Городке. В моей бытовке было нечем дышать, особенно, если учесть, что на полу тяжело дышал Сергей, сжигая ценный воздух. Вчера вечером он уработался в Шапито и, непривычный к физической работе свалился спать на расстеленный на полу матрас, даже не приняв душа и не раздевшись.

Мне Сергея не было жалко, сам влез в свои проблемы, сам пусть и выбирается... Хотя сегодня он не казался таким уж толстым. Старается, работает на совесть, денег даёт. Что ещё нужно от мужчины? Секс? Но у меня его не было целый год. И, ничего, выжила в свои почти тридцать лет... И не хочется близости с мужчиной... кажется.

* * *

Окошко в бытовке было открыто, но от жаркого воздуха не спасало. Мешала тюль, прибитая от мух. Необходимо было открыть дверь. Тут же туалет побежала Мусяка, шерсть висела клочьями, жара донимала бедную кошку.

Котята тихо шебуршали в коробке. Пять штук полутора месячных спиногрызиков, это уже тяжело для моей девочки, пора их раздавать.

Достав из бельевого шкафчика чемодан, я нашла в самом его низу английское красно-белое полосатое платье, встряхнула его, вынесла на двор, намочила под струёй умывальника и повесила на верёвку для общественного белья. Через пять минут платье стало сухим и выглаженным.

Взяв корзинку для овощей и зелени, я сложила туда двух сонных котят, запасную «авоську» и портмоне. Пора было сбегать, пока Мусяка не вернулась после утреннего променажа.

– Виталя! – я постучала в окно его бытовки. – На тебе утренняя кормёжка. Когда вернусь, я выдам бутылку пива!

За стеклом окна показалось лицо Виктора Павловича.

– Ты мне сына не спаивай, – прошептал он, открывая окно. Ты лучше мне бутылку отдай.

Понятное дело – водочку они вчера употребили втроём и до своей бытовки директор не дошел.

– После завтрака, – решительно объявила я.

– Классно выглядишь! – крикнул мне вслед Виктор Павлович.

Ещё бы. На улице август, а я впервые надела цивилизованную одежду. Ситцевое платьице, стоимостью во все утренние завтраки наших животных за месяц. На ногах были привычные белые кроссовки, но они не портили общей картины.

То, что животные не останутся без еды я не сомневалась. Работала я в Шапито за мелкие копейки, не гуляла, не воровала и никогда не отказывалась помочь в уборке или контро-

ле за животными. С цирковым коллективом сложились нормальные отношения, какими они могут быть между уборщицей и артистами цирка. Кроме четырёх девушек из кордебалета и Даши – дрессировщицы пушистых шпицев.

Она ревновала меня к своему мужу, жонглёру и эквилибристу на проволоке Аркаше. А не нужно было. Аркаша заочно любил не только меня, но и всех женщин мира от пятнадцати до шестидесяти лет. Сердце у него широкое, а руки ловкие. Кстати, Виталик был точно такой же любвеобильный, только говорливей.

* * *

Городской рынок сельской продукции шумел с утра уже не меньше двух часов. На деревянных столах пирамидками были выложены арбузы и дыни, на земле стояли мешки с картошкой, морковью, огурцами, помидорами и редиской. Свёртками в листьях хрена были благоухали зонтики укропа, тонкие ветки чёрной смородины и листики вишни.

На мясных столах лежали шматы говядины и свинины, реже баранины. Кольца и палки домашний колбасы добавляли в воздух сельскохозяйственного рынка ароматы чёрного перца, лаврушки и чеснока.

Жалея обоняние котят, я не встала рядом с колбасными рядами, а пристроилась у развала старых книг, где продавали учебники, женские детективы и методички по математике и

физике.

Вынув из корзины котят, я поставила их на доски прилавка. Два апельсиновых пушистых комочка, тыкались в доски прилавка носиками и развернули половину посетителей рынка в мою сторону.

– Сколько? – с придыханием спросила невысокая женщина средних лет в строгом клетчатом платье, забывшая о выложенных на прилавок книгах.

– Сколько не жалко, – честно ответила я. – Главное, чтобы вы любили животных.

– Я очень люблю. – Женщина придала ладонь к груди. – Всех люблю, даже колючих ёжиков.

– Погоди-ка, – к столу решительно подошла женщина, пропахшая копчёной колбасой, которой она и торговала с успехом.

На столе через один от нас, лежали груды связанных кругом колбас, сало и копчёное мясо в пергаменте и без него. Аромат шел по всему рынку.

– Денег у меня нет, – повысила голос «книжная» женщина, привлекая к себе внимание. – Но я могу обменять это пушистое чудо на... – женщина протянула мне красивый том «Декамерона» Боккаччо.

В моей личной наследственной библиотеке, в Москве, такой том уже был.

– Нет, слишком дорого, – смело отказалась я от подарка и взяла брошюру «Трое в лодке, не считая собаки» Джером

Кей Джерома. А вот эта повесть повысит мне настроение. – Смотрите, я достала из кармана телефон. – Это их мамаша, персидская кошка голубых кровей.

Женщина с любопытством начала листать фотографии в смартфоне, но я быстро прекратила излишнее внимание.

– Минуточку. – «Колбасная» торговка подхватила ближайшего к ней котёнка и перевернула кверху толстым пушистым пузом. – Пацан! – с удовольствием констатировала она и ткнула пальцем с ярким маникюром в лохматую пипку котёнка. – Тебе, голуба моя, никто за котёнка денег не даст. У нас в деревнях кошек даже не кормят, заставляют ловить мышей или лягушек. А я тебе дам колбасы.

Не спрашивая моего согласия, продавщица надела мне на руку круг колбасы, секунду подумала и вложила в корзину шмат мяса, перевязанный копчёной пеньковой верёвкой.

– Ух ты какой пушистенький, чистенький, – женщина пощекотала пузо котёнка и обернулась ко мне. – Он у меня для красоты по дому ходить будет, пусть соседи завидуют. Я ж таких только на календарях видела, у меня в туалете плакат с персидской кошкой приклеен.

Отойдя к своему столу, она стала собираться, не обращая ни на кого внимания и не отводя взгляда от рыжего приобретения, бродившего между колбасами и мясом.

– Я тоже домой, надо же о ней позаботиться. – Женщина тоже перевернула котёнка и присмотрелась к холмику между задних лап. – Я так и думала – девочка.

И я поехала на автобусе обратно в Шапито с новой книжкой, со шматом мяса в корзине и кругом колбасы на локте. Хороший обмен. Главное, что котята явно нравились своим новым хозяевам.

– Ишь как пахнет, – услышала я завистливый вздох сбоку.

На меня смотрела пожилая женщина в старом платье, с сумками, набитыми дешёвыми продуктами с рынка, которые она, сидя на переднем сидении жестко держала между колен. Год назад я бы спокойно отдала ей и колбасу, и мясо и даже книгу. Но последние месяцы изменили моё отношение ко многому. Подобные пожилые дамочки с большим удовольствием часами будут клянчить подачку, но не работать хотя бы час.

Сняв с руки колбасу, я переложила её в корзину.

– Повезло, – сообщила я тётке, и вышла на своей остановке.

Пеликаны

Сегодня в Шапито чинили реквизит и мыли сиденья. В среду и четверг представления давались один раз, в семь часов вечера. В пятницу выступлений было два – днем и вечером. В субботу и воскресенье представлений было четыре, первое в десять утра, а затем каждые три часа.

Быстро переодевшись в привычный халат и спрятав в чемодан полосатое платье, дабы не раздражать наших девушек из кордебалета его стоимостью, я отправилась чистить клетки.

Около бассейна с пеликанами стояла Ольга.

– Ты где была? – возмутилась она. – Я ведь не умею в одиночку менять воду в бассейне. Скоро обязательно припрутся детишки с родителями смотреть на птичек, еду им принесут, а вода воняет и помёт поверху плавает!

В сторонке стояли кордебалетные стройненькие Диля, Лиля, Анжела и Наина. Хихикали, запахивая после душа на себе атласные халатики сорокового размера. Одинакового роста в гриме они тоже выглядели одинаковыми, а сейчас была видна и разница в возрасте, и в национальностях.

– Давай, Настька, помогай, а то Ольга нас пыталась заставить в бассейн с дерьмом лезть.

Пять белых птиц с длинными клювами смотрели на меня и вытекающую воду из бассейна несчастными тёмными

глазами. По воде плавал их помёт.

Какие же какие гадёныши обрезали им роскошные чёрные окантовки белоснежных крыльев, лишив их возможности летать? Эти птицы из Калмыкии теперь навсегда были привязаны к небольшому дачному пластиковому бассейну, а зимой страдали от морозов.

– Оля, я тащу шланг от душа, а ты пока сгребай помёт вокруг бассейна, я его отнесу на помойку.

Птицы, поняв о чём идёт речь, важно расположились на бетонном полу и присели гузками на своих лапах-ластах. С королевским спокойствием смотрели как им очищают акваторию и иногда вспархивали огромными крыльями, трясли желтыми подклювными мешкам и довольно гоготали.

* * *

Горластые птички достались Шапито практически бесплатно. Когда весной наши трейлеры заехали на бетонную площадку, то на ней, кроме пустых банок и бутылок из-под пива и водки, стоял огромный пластиковый шалаш, а рядом туристическая палатка.

Из палатки выскочил старичок и, приглаживая волосы, поспешил к УАЗу «Патриот» Виктора Павловича, на котором не только было написано «Цирк», но и нарисованы акробаты и мелкие собачки.

– Наконец-то! – Радостно орал старикашка. – Еле дождал-

ся вас! А то моя бабка меня без соли ест, у нас же посевная на даче! Картоху сажаем! Чеснок озимый полем! До свидания!

И, не оглядываясь на шалаш, потрусил к автобусной остановке.

Ничего не понявший Виктор Павлович отогнул край пластиковой стенки и встретился взглядом с карими взглядами пяти белых птиц. При виде его они требовательно загоготали.

– Лови его! – опомнился директор Шапито, показывая на резвого старика у остановки.

Первым за бывшем стариком помчался Виталик, а за ним его напарник Толик и велосипедист Славка. Пойманного деда они принесли на руках и поставили перед Виктором Павловичем.

– А теперь объясни, мил человек, что здесь происходит?

– Выпить есть? – чуть не плача спросил старик. – Меня к ним, к птицам этим, приставили сторожем. Пять дней я их то кормлю, то говно убираю. Народу собирается!.. – Старик взял протянутый ему Аркашей белый стаканчик с пивом и взахлёб выпил. – Днём выгуливаю пеликанов по площадке. Три раза их пытались украсть! Один раз подростки-хулиганы, а один раз мужики. Им захотелось одну птицу поджарить на закуску к водке. Видеть я их не могу, в смысле пеликанов! – торопился с объяснениями сторож. – Ну, я пойду.

Не дождавшись ответа, старик ловко извернулся, побежал и заскочил в подъехавший автобус.

– Всё равно ничего не понял, – растерялся Палыч. – Что делать-то с птичками?

– Та надоть ийтить до отдела культуры, запытуваты инспектора по циркам. Но то, ты сам, Палыч, сробиты. – Авторитетно заявил Аркадий.

– Вот ты и иди. А мы пока будем здесь обустраиваться и ставить шатёр.

* * *

Часа через три, когда установили обе штанги, на которых крепится шатёр Шапито, вернулся Аркадий. Он мелко хихикал в кулак с профессиональными мозолями.

– Короче, Палыч, повеситы на наш баланс этих пеликанов, пока с ликарни нэ выйдэ их дрессировщица.

– Что-то я не помню ни одной дрессировщицы с пеликанами, только с голубями и крупными попугаями, – напрягся Палыч.

– Она, Нина та, скупыв их в каком-то мелком звырынце, где тони почему-то повылуплалися на свет сразу все. До этого она гоняла по арене голубей. – Снова хихикнув кулак, Аркадий продолжил. – Я видываты её в больнице. Лежаты в отдельной палате, на голове чалма, в планшете смотрит бабский сериал. Обручального кольца нэма.

– Да хрен бы с её кольцами. Когда она заберёт своих пеликанов? – Возмутился Палыч. – Они так орут, у меня голо-

ва раскалывается.

– У Ныны Владимировной стресс после сломатой ноги. Нэрвничает она. Птычек трогать ни-ни, больших грошей стоять.

– Ты узнал, из чего состоит её номер, придурок?

– Та я не понял, шо там за спецыфыка. Баба больно горластая, ругается... Послала в она меня на хрен, – признался Аркадий.

* * *

Следующим в больницу отправился Виталик. Сменил старые треники на новый спортивный костюм, прикупил по дороге жёлтых недорогих хризантем, а себе четвертинку водки для храбрости.

Вернулся глубоким вечером, когда остальные артисты уже полностью собрали и установили и зрительские ряды, и конструкции для акробатов.

Пьяненький и довольный радостью мартовского кота Виталий пил пиво и докладывал отцу:

– Ей, Ниночке, лет сорок, выглядит хорошо, но от неё все сбегают. Зверинец, который её приютил, после того, ка она чуть не засудила очередное Шапито в Карелии, снялся с места и уехал в неизвестном направлении, не оставив адреса. На звонки Нины никто не отвечает.

– К представлению ближе, к номеру! – рявкнул Палыч. –

Казанова хренов!

– Лёгкие качели крепятся к трапеции под куполом, – тут же стал объяснять Виталик. – Нина просто раскачивается, размахивая длинными белыми рукавами своего костюма, такого же белого, как крылья пеликанов. Изюминка номера в том, что она кидает из серебристого ведёрка живую рыбу птицам и те, тр-р-репещ-ша крыльями. – Виталик даже показал, как это должно выглядеть... – Ловят рыбку и гогочут от удовольствия. И так минут десять... – вещал Виталя... – Пиво ещё есть?

После показа на местном телевидении репортажа о том, как дрессировщица Нина упала в дождь на ровной улице и сломала ногу, а птицы остались беспризорными, все дети Городка потащили родителей в цирк кормить пеликанов, которых не только они сами, но и их родители и родители их родителей видели только по телевизору. Несли всё – от рыбы, булочек и кошачьего питания, до тыквы и бананов.

Сначала Виктор Павлович хотел продать пеликанов в московский элитный ресторан, уж очень они много ели, по полтора килограмма хорошей рыбы на пять клювов. Но простой и наглядный цирковой номер стал пользоваться успехом.

Реанимацию номера взяла на себя взяла Ольга Кордебалет. Ей пришлось провести у Палыча два вечерних «страстных» часа, и директор утвердил её номер в отделе Культуры.

Диля и Лиля молча завидовали, Анжела и Наина громко возмущались. Работая на подтанцовках они, как и все цир-

ковые, тоже мечтали о собственных номерах.

– Кто первым встал, тому и тапки, – весело объяснила Ольга. – К тому же вы постоянно меняетесь, а я в этом Шапито пятый год.

* * *

Вечером Сергей, устраиваясь на ночлег, неожиданно сел на стул и даже попытался схватить меня за руку.

– Настя, выручай. Ты веришь мне, что я в данной ситуации дурак-дураком и ничего не понимаю?

Стоя с наволочкой в руках для подушки незваного гостя, я ощутила то, из-за чего страдают все русские бабы – жалость.

– Что нужно делать? – И я протянула молодому и, как теперь рассмотрела, вполне симпатичному мужчине наволочку.

– Наша задача – поговорить с охранником Животинкиным о том, что произошло на самом деле... – Предупреждая мой вопрос, он продолжил. – Мой портрет у каждого полицейского в Городе, выходить за территорию Шапито не рекомендуется. Поможешь?

– Помогу, – согласилась я. – Куда ехать?

– В больницу.

Сергей, не надевая наволочку, просто кинул её поверх подушки.

– Сейчас помру от усталости. Не привык к физическим

нагрузкам.

Заснул Сергей моментально, а я ещё покормила Мусяку с котятами, посмотрела «Новости» и тоже стала засыпать, раздумывая на кой ляд нужно мне всё это.

Больница

Карябая тонкими коготками простынь, на мою кровать упорно лез рыжий котенок. Я, просыпаясь, удивилась, что только один. Открыв глаза, увидела двух других. Они разгуливали по спине лежащего на полу Сергея. Пора было вставать.

Моясь в душе на улице, я слышала привычный нетерпеливый галдеж пеликанов, тьяканье собачек и рычание Матильды. В прозрачную стенку тонкую постучали, и сонный голос Сергея напомнил:

– Тебе сейчас в больницу ехать, охранника Животинкина наведывать. Пожалуйста.

* * *

Сегодня на мне были зелёные шорты и лёгкая, натурального шелка блузка нейтрального кремового цвета в салатовых разводах. Белые босоножки вчера развалились, оторвалась подмётка, и пришлось одолжить босоножки у Ольги из кордебалета. На голову выше меня, стройная и тренированная, она единственная из девушек подтанцовки смотрела на «уборщицу» без пренебрежения. Остальные прибились к цирку на два позже моего триумфального появления в Ша-

пито и не знали моих «приключений».

– Настька, моя обувь для тебя – лыжи, у меня сорок третий. Я для тебя из реквизита вытащу, никто не заметит. – Она пригляделась к моей слегка мятой блузке. – Была бы она натуральная, то стоила бы, как хороший велосипед.

– Она из натурального шелка, – честно ответила я.

– Ну, ну, – посочувствовала мне Ольга. – Езжай, помогай своему разнорабочему. Он тоже постоянно пыжится, старается удивить, покупает питание для моих пеликанов, а сам ходит в драных носках.

– Оля, – я перестала приглаживать волосы вида «стог травы летней, свежескошенной». – А если бы Сергей, действительно, был бы не самый бедный человек? Не очень богатый, но среднего достатка.

– Мне-то по фиг, – засмеялась Ольга, высокой поднимая голову. – Я собираюсь до старости кордебалетить, фигура позволяет, а лицо можно заштукатурить. А вот наши пираньи съели бы его до скелета, вытягивая деньги.

– Ага. – Согласилась я. – Ладно, поеду в больницу. Через магазин.

В сумку я положила круг колбасы, подаренный за котёнка и половину буханки хлеба. Хлеб никогда не помешает. В крайнем случае его можно скоромить голубям.

– Вот, радуйся. – Оля поставила передо мной вполне приличные зелёные балетки. – Тебе сегодня много бегать.

Зайдя в магазин, я застала за прилавком продавщицу Яну.

– Добрый день, – услужливо поздоровалась она, с первого взгляда не узнав меня в шортах и с подкрашенными глазами. И сразу же её взгляд изменился. – Чё припёрлась?

– В гости еду. Затовариваюсь. Коньяк и мандарины.

– К мужику? – тревожно уточнила Мила. – К Геннадию?

– Мне Геннадий совершенно не нужен, – уверила я. – К новому знакомому...

– А хочешь колбаски свежей? – Обрадовалась Мила.

– Своя имеется, но спасибо. А где у вас больница номер один?

– Она у нас и номер один и все номера тоже. Она единственная. На третью маршрутку садись и мимо не проедешь.

Положив в сумку купленный товар, я вышла, настраиваясь на разговор с незнакомым Животинкиным.

Из-за угла магазина, стараясь не попадаться в поле зрения широких окон вышел Гена, одетый почти как я – в шорты и лёгкую рубашку в гавайском стиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.